

О трагедии Н. В. Станкевича «Василий Шуйский»

А. Н. СВАЛОВ

(АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК)

В статье рассмотрены особенности идейного замысла и содержания трагедии Н. В. Станкевича «Василий Шуйский». Предлагаются новые критерии при оценке этого первого крупного произведения молодого автора, с именем которого неразрывно связано развитие общественной мысли в России в 1830-е годы.

Ключевые слова: Н. В. Станкевич, русская драматургия, историческая трагедия, патриотизм, русская литература.

Стихотворная трагедия, о которой пойдет речь в статье, — единственное драматическое произведение, принадлежащее перу Николая Владимировича Станкевича. Написанная в 1829 г.¹, она была напечатана отдельным изданием весной 1830 г. в типографии Августа Рене-Семёна — одной из лучших в Москве². Тогда же отрывки из трагедии публиковались в небольшом петербургском журнале «Бабочка»³, на страницах которого с 1829 г. появлялись и стихотворения интересующего нас автора. Его творческие устремления активно поддерживали родители, — дворянская семья Станкевичей относилась к числу наиболее преуспевающих в Воронежской губернии.

Трагедию Н. Станкевич писал, еще не закончив обучение в частном мужском пансионе в Воронеже⁴, но желание поступить в Московский университет вполне определилось.

Ему нравилось учиться, отличаться успехами, и учеба, сопряженная с первыми опытами литературного творчества, выступала важнейшей формой самоутверждения и самореализации юноши. Написание трагедии призвано было подтвердить как успешные результаты учебы в пансионе, так и обоснованность намерений автора продолжить образование в университете. Вполне обдуманно выглядит решение Н. Станкевича поднести свое произведение (а оно вышло в свет еще до поступления его в университет⁵) председателю Общества любителей российской словесности при Московском университете А. А. Писареву (1780–1848). «Снисхождение Вашего Превосходительства к моему слабому труду, — писал он, — поощрит меня к дальнейшим занятиям на поприще прекрасном и близком сердцу каждого истинно русского» (Станкевич, 2008: 75).

Трагедия «Василий Шуйский» действительно оказалась произведением относительно слабым в художественном отношении. Историки русской драматургии о ней редко вспоминают. Но, согласимся, что и произведения второстепенные заслуживают внимания, поскольку без них не может быть сколь-нибудь полного представления о пространстве и развитии литературного процесса, русской драматургии. Рассматриваемое сочинение не менее важно и по другой причине: оно позволяет лучше представить строй мыслей и чувств юного Станкевича. Автору, жившему в провинции, не исполнилось тогда и 17 лет, он делал только начальные шаги в литературе.

Для своего первого крупного произведения Н. Станкевич избрал в качестве жанровой формы историческую драматургию. Развитие этой формы в контексте не только собственно литературы, но и культуры в целом отражало и одновременно выражало, особенно с начала XIX в., историзацию сознания общества, стремившегося к осмыслению самого себя, ментальности, духовных ценностей, характерных для русского народа. Однако ко времени написания «Василия Шуйского» драматических пьес и особенно трагедий, тем более на темы отечественной истории, насчитывалось немного — в литературно-театральном репертуаре преобладали историко-романтические мелодрамы и водевили. Останавливаясь на исторической трагедии как жанровом образовании, Н. Станкевич проявлял энергию молодости и творческую смелость.

Выбор темы тоже показателен. Она не о временах отдаленных, былинных или древнерусских, княжеских, к которым преимущественно обращались в своих произведениях классицисты и сентименталисты. Для них исторические события служили, как правило, не контекстом, а лишь необходимым фоном для определенных сентенций (см. подробнее: Прокофьева, 2008). Н. Станкевич же выбирает тему о русском Смутном времени начала XVII в. Применительно к этому времени *трагедии в наибольшей степени отвечает трагичность «живой истории»*, трагичность в жизни не только отдельных людей, но и всей страны, что позволяло, основываясь на реальных,

конкретных событиях, донести до читателя (и возможного зрителя) наиболее значимые авторские обобщения идейного и нравственного свойства. В этом отношении Н. Станкевич был одним из первых. Напомню, что его сочинение вышло за год до появления в печати пушкинского «Бориса Годунова», обозначившего новую веху в развитии драматического жанра; оно вышло раньше трагедий А. С. Хомякова, М. П. Погодина, Н. В. Кукольника и некоторых других авторов, посвятивших в 1830-е годы свои произведения Смутному времени в истории России.

Трагедия написана Станкевичем вскоре после выхода 12-го тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, в котором освещались основные события и особенности царствования Василия Ивановича Шуйского (1606–1610). Знаменитое сочинение историка помогло нашему начинающему писателю уточнить сюжетные линии трагедии. Изображаемые события разворачиваются в последний год царствования Шуйского, весной — осенью 1610 г. Не только интервенты внешние, но и предательские козни бояр, их междоусобная борьба угрожали тогда самому существованию Московского государства.

Однако не события как таковые при всей их судьбоносной напряженности прежде всего интересуют Станкевича. В центре его внимания поведенческие практики реальных исторических лиц в обстановке Смуты. Автор показывает, правда, иногда излишне прямолинейно, различные модели личностного поведения, при этом важнейшим оценочным критерием выступает патриотизм, который, по его мнению, неотделим от отношения к монархической власти.

Н. Станкевичу симпатичен Василий Шуйский, в законности пребывания которого на престоле автор не сомневается. В трагедии отсутствуют напоминания о времени, когда Шуйский был, говоря словами Пушкина, «лукавым царедворцем», не упоминается и об обстоятельствах «выкрикивания» его на царство. Станкевич вполне разделяет представления о сакральном характере монархической власти в России, ее значимости. В произведении отчетливо проводится мысль о том,

что «царь, святых небес помазанник», небо вручило ему священную власть. «Без высшей власти, без закона» страна слаба (*действие пятое, явление 1*). Напомню, что вскоре после трагедии, в 1830 г., Н. Станкевич напишет стихотворение «Избранный», которое прозвучит своеобразным гимном российскому монархизму.

Царь! сильна твоя держава,
Тверд, блистателен твой трон,
Чад твоих любовь и слава,
Правда, милость и закон
Да пребудут век с тобою!

(Здесь и далее тексты цитируются по изданию: Станкевич, 2008.)

Поведение Шуйского определяется монаршим долгом служения стране и народу. И в трагедии он предстает как православный царь, осознающий этот долг, он искренне желает «сделать счастливым свой народ».

Не властолюбье мною управляет —
Нет: чистая, священная любовь
К отечеству и подданным моим...
(*действие четвертое, явление 7*)

Показательно также, что в обстановке, когда «вокруг России пылает ад», царь переживает не за сохранение короны как таковой, а за спасение государства:

Я пасть готов всечасно; но доколе
Я жив, заботиться о царстве стану
И не оставлю в бедствии отчины!
(*действие второе, явление 4*)

Благие побуждения монарха не совпадают, однако, с его возможностями — и в этом коллизия, показанная Н. Станкевичем. Василий Шуйский оказался отгорожен от народа не только своим саном, но и сонмом «обманчивых и хитрых царедворцев». Он не может реализовать многих намерений, как и пушкинский Борис Годунов (Удодов, 2008: 18). Из-за наветов лиц из своего ближайшего окружения он с подозрительной осторожностью начинает относиться к князю Михаилу Скопину-Шуйскому, которого сам ранее восторженно благодарил за ратные подвиги.

Конечно, Н. Станкевич упрощает образ Василия Шуйского, который, как мы знаем, заботился не только о стране, и не только из благородных намерений исходил он даже в последний год своего царствования. Но у нашего автора Шуйский, несмотря на все его переживания и колебания, герой в целом положительный, вызывающий сочувствие, и даже сведение с престола, как показано в трагедии, он встречает достойно, переживая за будущее страны⁶.

В советское время о подобных акцентах в трагедии Станкевича, разумеется, не писали.

В отдельных сценах как центральный персонаж выступает «юный вождь» Михаил Скопин-Шуйский. Он верен царю, осознает свой верноподданнический долг и, несмотря свою славу воина, на любовь и поддержку народа, не претендует на колеблющийся трон. Решительно отвергаются им предложения шведского военачальника Иакова Делагарди бежать из Москвы, как и попытки привлечь его самого к участию в низких интригах против царя. Для него «нет ничего ужаснее измены». Не случайна поэтому гибель Михаила в апреле 1610 г. от рук придворных заговорщиков (в тексте, вслед за Карамзиным, повторяется версия, что он был отравлен женой брата царя Екатериной Скуратовой-Шуйской). Для Станкевича Скопин-Шуйский — истинный патриот, «прямой гражданин», пример героического личного поведения. В трагедии этот исторический персонаж превращается в персонаж героический и высоконравственный. В поступках этого героя как полководца, как гражданина проявляется его «светлая душа». Она находит выражение и в его отношениях с невестой, наполненных любовной теплотой.

Немало места в тексте посвящено и персонажам отрицательным (брат царя Димитрий Шуйский, князь Иван Воротынский, дворянин Захарий Ляпунов и другие заговорщики). Их поведение, доказывает автор, определяют не высокие идейные мотивы, а достойные осуждения безнравственные качества, и прежде всего зависть. Отсюда их «расстроженные души». Антонимы «прекрасная», «светлая» душа — душа «расстроженная», «предательская» неоднократно повторяются.

Несомненно, что определенную роль в формировании у молодого Н. Станкевича представлений о тесной взаимосвязи гражданско-патриотических позиций с нравственностью, духовностью, особенно применительно к историческим деятелям, сыграли произведения предшествующих драматургов (А. П. Сумарокова, М. М. Хераскова, В. А. Озерова и др.).

Отдельно стоит сказать о теме народа. Народ присутствует на сцене в нескольких эпизодах, и он не безмолвствует. Важность народного мнения, силу народа осознают все основные персонажи. К «доблестному народу» апеллируют и Василий Шуйский, и изменники, стремящиеся свергнуть царя. Причем через глас народа передается глас «благого Бога». Но Станкевич показывает, что Божий глас сам народ может и не понять в условиях, когда раздорами унижен и подавлен его дух. Так и случилось: по наущению заговорщиков народ низвел Василия с престола.

По легкомыслию народ пристал к злодеям
И сделал зло, Руси добро желая.
Раскается он скоро; но Творец!
Не дай ему раскаться бедами!..

(действие пятое, явление 5)

В научной литературе выдвигался тезис, что идейный замысел трагедии заключается в том, чтобы «высказать мнение по поводу политического устройства страны». При этом делался вывод, что уже в этом произведении выражено представление Н. Станкевича «об идеальном государстве как просвещенной монархии» (Долга, 2007: 17). С такими суждениями трудно согласиться. О такой науке, как политология, пансионер Н. Станкевич, к счастью, ничего не знал, и политическое устройство России воспринимал как должное. Акцент на идеальное государство в форме просвещенной монархии в тексте не прослеживается, и не понятно, почему украинский исследователь считает, что Шуйский предстает в трагедии просвещенным монархом.

Мы полагаем, что идейный замысел сочинения в ином: показать важность консолидации и единения всех сил — царя, бояр и других людей, именитых и простых. Для поведенческой активности каждого, по убеждению Станке-

вича, должны быть характерны высокие гражданские и нравственные качества, проявляющиеся прежде всего в патриотизме, готовности служить отчизне, тем более в минуту национального бедствия.

Теперь об оценках трагедии. Она не прошла незамеченной. Наиболее взвешенный отзыв появился 5 июля 1830 г. на страницах петербургской «Литературной газеты». С большой долей уверенности можно считать, что этот небольшой по объему отзыв (его автор не указан) написан издателем и редактором газеты А. А. Дельвигом (Терентьева, 1999: 140), который был сторонником конструктивной, «научающей» критики. Трагедия, при всех ее несовершенствах, причислялась к «очень приятным явлениям в нашей литературе». Н. Станкевич показал исполнением, что «может сделать истинный талант в его лета», перед нами — «начало раннее, но прекрасное!» (там же). А далее автор отзыва высказывает свои замечания и пожелания. По его мнению, исторический трагик «должен воображением оживить людей, знакомых нам из преданий, обнаружить характеры их, раскрыть тайны их сердец и, искусно дополнив промежутки жизни, известной нам только отрывками, достойными памяти народной, озарить ярким светом лица и действия, остающиеся в истории загадочными» (там же). Действительно, возможности творческого воображения слабо использованы Станкевичем, и под влиянием классицистических традиций наблюдается схематизм, статичность в изображении характеров основных персонажей, прежде всего Шуйского, который, как отмечалось в отзыве, постоянно изменялся «на политическом своем поприще». Понять Шуйского, эту «душу многочувствовавшую, этот разум многообразный» может писатель «в пору зрелости своего таланта, изучивший и обдумавший дела людей давно прошедших и жизнь настоящую и испытавший все пружины сердца, дарованного человеку мудрым Провидением» (там же). Таким образом, слабые стороны трагедии объяснялись не только недостаточным литературным опытом Станкевича, но и его недостаточным жизненным опытом.

Благожелательно-взыскательным, поощрительным для дальнейшего творчества был от-

зыв и на страницах альманаха «Северные цветы». Близость в оценках не удивительна, поскольку альманах в то время издавался также Дельвигом. Литературный критик О. М. Сомов в «Обозрении российской словесности за вторую половину 1829 и первую 1830 года» писал: «Как первая попытка юного поэта трагедия сия требует снисхождения критики, относительно плана и характеров, тем более что в ней есть теплота поэтическая, счастливые стихи и даже целые тирады». В отзыве выражалась надежда, что автор в последующих своих опытах «будет обдумывать зреее свои предметы...» (Северные цветы, 1830: 52).

А вот отзыв в «Московском телеграфе», издававшимся Н. А. Полевым с 1825 г., был лишен снисхождения. Да, в трагедии «душа видна, есть теплота сердца; стихи многие яркие». Но далее автору предлагали «предать своего Василия Шуйского забвению». «В этой трагедии нет ни знания сердца человеческого, ни характеров, ни сведения о веке, нравах, отношениях...» (Московский телеграф, 1830: 84). А потому необходимо отложить сочинительство и серьезно готовиться к последующим поэтическим опытам, учиться и думать несколько лет, читать Шекспира, греческих и испанских трагиков, а потом и Шиллера, Гете; узнать историю нашу по русским летописям и легендам. И вот, «когда ваша поэтическая совесть шепнет вам, что время настало, что вы готовы к созданию большого труда, снова беритесь за перо, и восхищения соотечественников и потомков вознаградят вас» (там же: 85). Собственно, и «Московский телеграф» писал о недостаточности литературного и жизненного опыта автора (да и кто же будет это оспаривать?). Но писал без скидок, и общие выводы о произведении как неудачном были, конечно, болезненно восприняты не чуждым самолюбия Станкевичем.

Что касается современных оценок «Василия Шуйского», то не следует, на наш взгляд, увлекаться выводами о «литературном таланте» молодого Станкевича, но и не стоит писать об этой трагедии как «плохой» и даже «неудачной». Разве не нуждается он, выпускник провинциального частного пансиона, в похвале за написание большого произведения на се-

рьезную тему? Другое дело, что сочинение оказалось относительно слабым, и здесь слово относительно не менее значимо, чем слово последующее, оценочное. Оно, это сочинение, относительно слабое, если сравнивать его с произведениями более именитых и опытных авторов, не говоря уже о Пушкине, который был тогда в зените своего творчества. Но даже относя это сочинение к разряду относительно слабых, второстепенных, вполне можно говорить и об относительной удаче Н. Станкевича, принимая во внимание возраст и отсутствие у него до этого серьезной литературной практики.

Сам Станкевич вначале был удовлетворен написанной трагедией и даже рассчитывал на ее постановку в Воронежском театре, о чем он упоминает в письме родителям от 1 мая 1830 г. (Переписка..., 1914: 1). Книжка с текстом трагедии продавалась по цене 3–4 рубля в различных книжных лавках Москвы, в том числе в Университетской лавке, содержащейся комиссионером А. С. Ширяевым. Однако после поступления в университет Н. Станкевич к своему сочинению охладел. Повлияли, конечно, и отзывы в печати, но, главное, возросла его требовательность к самому себе, к своим литературным занятиям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Написание трагедии следует датировать 1829 г., а не 1830 г. Позволение цензуры на печать от 2 января 1830 г. свидетельствует, что текст был представлен еще в конце предыдущего года (см.: Станкевич, 1830: оборот титул. листа).

² См. об Августе Рене-Семёне (1783–1862) и его издательской деятельности: Модзалевский, 1903; Клейменова, 1991: 107–110.

³ Журнал «Бабочка. Дневник новостей» издавался в 1829–1831 гг. Владимиром Сергеевичем Филимоновым (1787–1858) — поэтом, беллетристом и драматургом, почетным членом Московского университета (с 1819 г.). Основные отделы журнала: «Смесь», «Словесность», «Зрелища», «Новые книги». Отрывки из трагедии Станкевича опубликованы в 1830 г. в № 21 (12 марта), № 22 (15 марта) и № 47 (11 июня).

⁴ В благородном частном пансионе Воронежца (открыт 14 октября 1825 г.; содержатели П. К. Федоров и А. А. Попов) Станкевич учился в 1825–1830 гг. В итоговом аттестате отмечены

его «превосходные успехи» в истории, риторике, поэзии, эстетике (Центральный исторический архив Москвы — ЦИАМ: Ф. 418. Оп. 100. Д. 168. Л. 3).

⁵ Станкевич был зачислен на словесное отделение Московского университета 17 июля 1830 г.

⁶ Напомним, что позднее, в течение долгого времени образ Шуйского как в художественных повествованиях, так и исторических исследованиях рисовался преимущественно в темных красках.

⁶ Значительная часть этой рецензии была перепечатана в петербургской газете «Le Furet» (франц. хорек, проныра) в № 69 от 27 августа 1830 г. Газета в 1829–1831 гг. издавалась на французском языке Ш. де Сен-Жюльеном, служившем секретарем и библиотекарем у графа И. С. Лавалья.

⁶ Трагедия, однако, не получила сценическую жизнь, и дело здесь не только в возможных финансовых убытках при ее постановке (они могли быть возмещены отцом Станкевича). Видимо, сам Николай, став студентом «перегорел», учеба и жизнь в Москве порождали новые интересы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Долга, О. О. (2007) Литературна творчість М. В. Станкевича : автореф. дис. ... канд. філол. наук. Харків.

Клейменова, Р. Н. (1991) Книжная Москва первой половины XIX века. М. : Наука.

Модзалевский, Б. Л. (1903) Август Иванович Семен. СПб.

Московский телеграф (1830) Июль. № 13. М. : Тип. Августа Семена при Императорской Медико-хирургической академии.

Переписка Николая Владимировича Станкевича, 1830–1840 (1914) / ред. и изд. Алексея Станкевича. М. : Изд-во Алексея Станкевича.

Прокофьева, Е. А. (2008) Русская историческая драма эпохи барокко, классицизма и сентиментализма : учеб. пособие. Днепропетровск : Свидлер А. Л.

Северные цветы на 1831 год. (1830) СПб. : Тип. Департамента народного просвещения.

Станкевич, Н. (1830) Василий Шуйский : трагедия в 5 действиях. М. : Тип. Августа Семена при Императорской Медико-хирургической академии.

Станкевич, Н. В. (2008) Избранное. Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края.

Терентьева, Д. Г. (1999) Об одной рецензии «Литературной газеты» А. С. Пушкина и А. А. Дельвига (о трагедии «Василий Шуйский» Н. В. Стан-

кевича) // А. С. Пушкин. Проблемы творчества и эстетической жизни наследия (1799–1999). М. : МПУ. С. 140–148.

Удодов, Б. Т. (2008) «Человек должен сам себя создавать» // Станкевич Н. В. Избранное. Воронеж : Центр.-Чернозем. книж. изд-во. С. 3–32.

ON N. V. STANKEVICH'S TRAGEDY «VASILIY SHUISKIY»

A. N. Svalov

The article considers the features of the ideological conception and content of Nikolai Stankevich's tragedy «Vasiliy Shuiskiy». New criteria are offered for the estimation of this first large work of the young author. The development of social ideas in Russia in the 1830s is inseparably associated with his name.

Keywords: Nikolai Stankevich, Russian drama, historical tragedy, patriotism, Russian literature.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Dolga, O. O. (2007) Literaturna tvorchist' M. V. Stankevicha : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kharkiv.

Kleimenova, R. N. (1991) Knizhnaia Moskva pervoi poloviny XIX veka. M. : Nauka.

Modzalevskii, B. L. (1903) Avgust Ivanovich Semen. SPb.

Moskovskii telegraf (1830) Iiul'. № 13. M. : Tip. Avgusta Semena pri Imperatorskoi Mediko-khirurgicheskoi akademii.

Perepiska Nikolaia Vladimirovicha Stankevicha, 1830–1840 (1914) / red. i izd. Alekseia Stankevicha. M. : Izd-vo Alekseia Stankevicha.

Prokof'eva, E. A. (2008) Russkaia istoricheskaia drama epokhi barokko, klassitsizma i sentimentalizma : ucheb. posobie. Dnepropetrovsk : Svidler A. L.

Severnye tsvety na 1831 god. (1830) SPb. : Tip. Departamenta narodnogo prosveshcheniia.

Stankevich, N. (1830) Vasiliy Shuiskii : tragediia v 5 deistviakh. M. : Tip. Avgusta Semena pri Imperatorskoi Mediko-khirurgicheskoi akademii.

Stankevich, N. V. (2008) Izbrannoe. Voronezh : Tsentru dukhovnogo vrozozhdeniia Chernozemnogo kraia.

Terent'eva, D. G. (1999) Ob odnoi retsenzii «Literaturnoi gazety» A. S. Pushkina i A. A. Del'viga (o tragedii «Vasiliy Shuiskii» N. V. Stankevicha) // A. S. Pushkin. Problemy tvorchestva i esteticeskoi zhizni naslediia (1799–1999). M. : MPU. S. 140–148.

Udodov, B. T. (2008) «Chelovek dolzhen sam sebja sozdavat'» // Stankevich N. V. Izbrannoe. Voronezh : Tsentru.-Chernozem. knizh. izd-vo. S. 3–32.